

ность, абсурдность/осмысленность, психоделичность/трезвость и прочие. При этом психоделичность смысла, по нашему мнению, представлена склонностью последнего к варьированию, дифференциации, исконно заложенной в его структуре. Так, для смысла как феномена онтологической реальности, характерным является высокий уровень фрактальности (самоподобия). Он проявляется посредством череды оппозиций (главная из которых – осмысленность/абсурдность, то есть хаотичность/упорядоченность), находящей свое выражение через корневую специфику смысла – психоделичность.

1. *Бурдые, П.* Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр.: А. Т. Бикбов [и др.]; отв. ред. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.

2. *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат [Электронный ресурс] / Л. Витгенштейн // Репозиторий ИВТ СО РАН. – Режим доступа: <http://elib.sbras.ru:8080/jspui/bitstream/SBRAS/9305/3/vitg.pdf>. – Дата доступа: 27.05.2017.

3. *Зуев, Д. А.* Структура важного жизненного события как психологического феномена / Д. А. Зуев // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 85–90.

4. *Лири, Т.* Психоделический опыт : руководство на основе «Тибетской книги мертвых» / Т. Лири, Р. Метцнер, Р. Олперт ; пер. с англ. – Львов : Инициатива ; К. : Ника-Центр, 2003. – 224 с.

ВОЙНА КАК ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

А. В. Докучаев,

*кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры
социально-философских наук*

Московского государственного института культуры

Установление взаимосвязи между войной и социально-культурными трансформациями обозначило потребность не только психологических, этнологических, социологических, но и культурологических ракурсов изучения проблемы. Формирование

идей, положивших начало культурологическим истолкованиям войны, происходило сразу по нескольким направлениям:

1. Исследование взаимосвязи между процессами воспитания и образования и структурированием «военного этоса»;

2. Историческое объяснение различий между «воинственными» и «мирными» культурами, включающее саму констатацию таких различий в методологическом и теоретическом аспектах;

3. Сопоставление общего уровня развития культуры и цивилизации с состоянием военного дела, тактики и стратегии. Поэтому не случайно греческие, римские и византийские военные писатели усматривали прямую логическую зависимость военной тактики того или иного варварского народа от степени его цивилизованности. В последнее понятие, помимо культуры, обычно включалось еще и политическое развитие;

4. Изучение двойственности феномена войны, в котором имплицитно содержится собственно культурный компонент;

5. Констатация нравственного смысла войны, рассмотрение последней как одного из сущностных, конститутивных условий культуры.

Эстетизация борьбы, с особой силой выраженная в сочинениях русского философа К. Н. Леонтьева, раскрывается в трактовке «гармонии», примирения антитез «не в смысле мирного и братского нравственного согласия, а в смысле поэтического и взаимного восполнения противоположностей и в жизни самой и в искусстве» [2]. С отнятием идеи войны, как утверждал еще П. Ж. Прудон, становится невозможной ни мифология, ни мир богов, боги теряют смысл. Война как важнейшее основание культуры – взгляд, весьма характерный для многих авторов XIX в. Некоторые исследователи ее истолковывают как апологетику насилия. Такое обвинение, по мнению Н. Я. Данилевского, было бы несправедливо: хотя война – есть большее зло, борьба все же неизбежна, и существует нечто гораздо худшее войны, от чего война и может служить лекарством. Этот парадокс – война как последний способ самозащиты культуры от «упорядочивания», утилитаризма повторяется затем у Ф. Ницше, М. Хайдеггера, С. Булгакова и других мыслителей.

В становлении культурологического подхода к анализу войны существенное значение имели также идеи, выраженные в сочинениях О. Шпенглера, Й. Хейзинги, А. Тойнби. В «Закате Европы» О. Шпенглера мы обнаруживаем дуализм между фаустовской культурой и, например, античной в их социокультурной дифференциации по отношению к войне. Фаустовскую культуру Шпенглер называет в высшей степени завоевательной. Античное, аполлоновское бытие не потерпело бы таких пространственных и культурных перемен. Даже расширение римского владычества дистанцируется Шпенглером от расширения отечества, подобном современному. Аполлоновская и фаустовская культуры формируют совершенно различные императивы завоеваний и расширения (освоения) пространства. Только в фаустовской культуре реальной становится тотальная война в своей безграничной и беспредельной сущности.

Другой аспект рассмотрения дихотомии «война – культура» иллюстрируют работы нидерландского историка культуры Й. Хейзинги, в которых война при определенных условиях может рассматриваться как функция культуры. Своей задачей Хейзинги считал исследование вопроса о том, до какой степени можно считать войну агональной функцией человеческого общества. По его мнению, о войне «как функции культуры можно говорить лишь тогда, когда она ведется в границах определенного круга, члены которого признают друг друга равными или, во всяком случае, равноправными» [4]. Теория и практика тотальной войны, согласно Хейзинги, лишается последних остатков культурной и тем самым игровой функции войны.

Важное значение для развития культурологических интерпретаций войны имели теоретические взгляды американского антрополога Л. Уайта. Он выступил против теории инстинкта агрессии и индивидуально-психологических концепций. Только широкий культурологический контекст помогает понять, почему различаются «воинственные» и «мирные» общества. Война и торговля послужили факторами, катализировавшими социальное расслоение. Следует подчеркнуть, что культуру Уайт определял как сложный экстрасоматический механизм,

который определенный вид животных – человек – использует в борьбе за выживание и существование. Культурологический подход стимулировал анализ этнических концепций и систем воспитания. В общем виде это направление представлено в работах М. Мид, считавшей войну «культурным изобретением», подобно браку, письменности и т. п.

Трудности, связанные с конституированием собственно культурологического подхода к анализу войны (при всем многообразии трактовок), заключаются в отсутствии единого смысла понятия культура: особенности определения понятия формируют в конечном итоге направление исследований и специфика выводов. Неоднозначные результаты историко-культурологических исследований способствовали распространению социокультурного анализа на значительный спектр проблем, имеющих отношение к феномену войны. Однако использование данного метода остается пока спорадическим и его возможности еще далеко не раскрыты.

Философская конструкция войны обнаруживает собственно историческое и культурное значение последней. Это значение отражается на следующих уровнях:

– *всеобщем*: война как мировой закон есть источник, который сообщает жизнь всему сущему (Гераклит, Р. Штейнметц, М. Ревон);

– *этическом*: нравственный момент войны заключается в пробуждении лучших человеческих качеств (в отказе от безопасности, в самопожертвовании). Война – это сфера чести и долга (благородный человек думает о долге, низший заботится о выгоде). Эта максима конфуцианства находит отклик у Гегеля – «истинная храбрость культурных народов заключается в готовности жертвовать собой на службе государству...» [1, с. 362];

– *социально-культурном*: благодаря войне сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей (Гегель);

– *политическом*: война реализует потенцию более высокого уровня политической централизации, выступающей условием культурного развития общества;

– *юридическом*: война делает реальным становление права как особой конструкции взаимоотношений индивидов, социальных групп и государств;

– *этикологическом*: в дихотомии «государство – война» со времен Аристотеля нравственный смысл последней истолковывался в обеспечении действительности государства как свободного и нравственного целого;

– *религиозном*: война как осуществление высшего смысла бытия, воли к различению, борьба добра и зла.

Разумеется, философская конструкция войны не заменяет исторический, социологический, этический, культурологический анализ каждой конкретной войны. «Война – конструкция» и «война – событие» – не однопорядковые явления.

Исторически прогрессивные черты войны имеют преходящий характер. Выяснение того, почему это происходит, наталкивается на ряд следствий, изменяющих социокультурную и политическую картину: а) государство становится неопределенной, малопригодной аналитической категорией (Н. Луман); б) власть уже не располагается на уровне государств, но на уровне жизни, рода, расы и массовых феноменов народонаселения; в) власть центрируется не на обеспечении табу, запрета или распоряжения жизнью или смертью, но на нормализации и упорядочивании жизни в ее наличных пределах (М. Фуко); г) политический универсум выступает как граница политической онтологии. Таким образом, границы политической онтологии и политического бытия в ситуации перехода к новым соотношениям, горизонтам, которые открываются за пределами политического, заставляют переосмысливать самые, казалось бы, устойчивые смыслы. Некоторые следствия изменения картины: а) войны не ведутся больше во имя суверена, они ведутся теперь во имя всех. «Чем больше технология войн разворачивает их в сторону полного истребления, тем больше, действительно, решение, которое их развязывает или их прекращает, подчиняется голым соображениям выживания» [3, с. 79]. Власть предавать одну часть населения тотальной смерти есть обратная сторона власти гарантировать другой части сохранение ее существования; б) современное представление, отказывающееся войне в легитимации, а тем более в нравственном оправдании,

является лишь констатацией глубоких изменений самой сущности войны. Мировые войны, – как отмечал М. Хайдеггер в работе «Преодоление метафизики», – это миро-войны, предварительная форма устранения различия между войной и миром. В этом смысле устранение границы между комбатантами и некомбатантами делает актуальным изучение вопроса о том, в какой степени войну можно трактовать как матрицу техник современной власти.

1. Гегель, Г. В. Философия права / Г. В. Гегель ; пер. с нем. ; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

2. Леонтьев, К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике / К. Н. Леонтьев // Варшавский дневник. – 1880. – 29 июля.

3. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Мишель Фуко ; пер. с фр. С. Табачниковой. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.

4. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга ; пер. с нидерл. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – С. 106–107.

ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

А. А. Дорожко,

*аспирант, преподаватель кафедры педагогики социально-культурной
деятельности Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Музыкальная культура – это уникальное многоаспектное явление, являющееся сильнейшим каналом формирования не только музыкального вкуса молодежи, но и ценностных ориентаций молодого поколения, а также способствующее духовному развитию личности. Музыкальная культура благодаря особенности чувственно-эмоционального воздействия на человека, является наиболее популярным эстетическим предпочтением в среде молодежи.